

Год Цзянькан, шестой.

К утру боль в пояснице у Вэй Чи немного отступила: двигаться всё ещё было неприятно, но по крайней мере хромать он перестал.

— Всего два дня! — Ду Цихуань украдкой показал два пальца.

Два дня? Вэй Чи помассировал поясницу, тихо кашлянул и повернулся к Ху Янлиню:

— Позови Тан Хэ.

В это время Тан Хэ как раз вёл своих людей в сторону арьергарда. Сказать, что последние дни он бездельничал, было нельзя. Наведение воинской дисциплины — дело хлопотное; из-за того что солдаты в последнее время плохо ели и спали, в войсках неизбежно росло раздражение. Тан Хэ смертельно боялся, что Вэй Чи ухватится за какой-нибудь промах, поэтому ни на секунду не ослаблял бдительности и сладкой жизни не видел.

— Докладываю! — к нему подбежал рядовой. — Вас вызывает тысячник Ху.

Ху Янлинь? Лоб Тан Хэ покрылся испариной. Поразмыслив так и эдак, он понял, что отказаться не получится, и скрепя сердце поплёлся к Вэй Чи.

Время было раннее, люди Вэй Чи ещё только собирались в путь. Издалека глядя на этого смазливового паренька, казалось, несколько осунувшегося, Тан Хэ думал о том, что хотя в армии Ван сыновья знатных семей шестнадцати-семнадцати лет встречались нередко, чин имел лишь один этот юнец. Раньше он считал Вэй Чи обычным любимчиком для постельных утех и в грош не ставил, однако за последние месяцы воочию убедился в его хватке и методах, отчего в душе зародился страх. Прежде Тан Хэ опасался, как бы тот не стал сводить счёты, но, похоже, белолицый и сам не горел желанием якшаться с ним: кроме служебных обязанностей, он не обмолвился с ним ни единым словом. Тан Хэ уж было подумал, что тот старых обид не помнит... Но нынче-то... Тьфу! Да с чего бы я стал бояться какого-то сладенького мальчишку!

Тан Хэ выпрямил спину:

— Приветствую воеводу Вэя.

— Мм, — кивнул Вэй Чи. — Как с дисциплиной?

— Отвечаю воеводе: за исключением нескольких отставших пехотинцев, все прочие части прибыли на места до наступления темноты вовремя. До сегодняшнего дня отстающих не выявлено.

Похоже, справляется неплохо, — Вэй Чи вздохнул. — Начиная с сегодняшнего дня, каждый день после полудня бери пятнадцать человек и приходи прикрывать повозки с пушками. В

остальное время действуй как обычно. Ладно, больше вопросов нет, ступай к своим.

Левой рукой перехватив плащ, поданный Чэнь Ху, Вэй Чи правой дружески похлопал Тан Хэ по плечу:

— Раньше ты справлялся хорошо, надеюсь на усердие и впредь.

Видя, как Вэй Чи с важным чиновничьим видом величественно удаляется, Тан Хэ кипел от ярости, но возразить не смел, лишь мысленно проклял предков Вэй Чи до соленого колена.

— Генерал Тан... — Ху Янлинь сложил руки в приветствии. — К чему вам ссориться с воеводой Вэем? В конце концов, он наше начальство, а против начальства не попрёшь. К тому же время военное, рознь между командирами — худшее из бедствий...

Тан Хэ зыркнул на Ху Янлиня:

— Ты пробыл у него всего пару месяцев, а уже готов петь ему дифирамбы и заискивать?

Ху Янлинь неловко усмехнулся.

Не дождавшись ответа, Тан Хэ поддался своей бабской натуре:

— Братец Ху, ты человек простой. Неужели ты не знаешь, что твой старина Тан — тоже душа нараспашку? Пусть характер у меня взрывной, но к брату Чжу я всегда относился со всей искренностью. Просто этот тип мне противен... Ты не служил в военном ведомстве, потому и не ведаешь, что он за гусь. Два года назад он сошлся с этим ванном Янем, и при дворе никому и в голову не приходило осуждать его за эти грязные делишки. С виду он весь из себя благопристойный правильный чиновник, а что вытворяет за спиной — торгует задницей! Тьфу, до чего же бессовестными бывают штатские, слов нет!

Заметив, что лицо Ху Янлиня помрачнело, Тан Хэ воодушевился ещё сильнее:

— Тошно? И чем только этот человек думал, раз согласился лечь под мужчину? Меня от одной мысли воротит...

Ху Янлиню слушать это было невыносимо, но спорить он не решился, сослался на дела и поспешно удалился.

— Братец Ху, ты человек прямой, будет время — я тебе ещё порассказываю... — Тан Хэ вспомнил, что у него тоже полно забот, и хоть разговор не был окончен, задерживаться не посмел.

— Да-да, генерал Тан, иди занимайся делами, — через силу выдавил улыбку Ху Янлинь.

Любимчик для постели. На душе у Ху Янлиня воцарился полный разлад. Хотя за всю жизнь он в глаза не видел таких людей, ему казалось, что манеры Шаоху совсем не вяжутся с этим. Если бы тот действительно торговал красотой, с какой стати ему проявлять к нему такую строгость? В тот день, когда за ними гнались монамиские конники, на лице Шаоху не дрогнул ни один мускул. Его храбрость и решимость в эти дни он видел собственными глазами; будучи гражданским чиновником, бросить всё и добиться таких успехов в армейском лагере — зачем ему было в бытность редактором Академии Ханьлинь... зачем ему было сходиться с этим... с ванном Янем? Пусть он и не смыслит в тонкостях придворной службы, но даже он знал, что людям, состоящим на госслужбе, лучше держаться подальше от ванов. А этот не просто запятнал себя, а вот так... Какая ему от этого могла быть польза?

— Ху Янлинь! — окликнул его Вэй Чи.

Ху Янлинь поспешно сделал несколько быстрых шагов, догоняя его.

— Дел сегодня по горло, придётся подналечь, — Вэй Чи обернулся, улыбнулся Ху Янлиню и мимоходом заправил за ухо выбившуюся прядь волос.

Зря он уродился таким красивым... — в голове Ху Янлиня словно сам собой всплыл этот ответ. Неужели ван Янь из столицы и вправду приметил его?.. Неужели этот человек пошёл на всё из искренней привязанности к тому вану?..

— Эй, чего ты застыл? — Вэй Чи легонько постучал тыльной стороной ладони по груди Ху Янлиня.

— А! — Ху Янлинь очнулся.

— Пойдём, — Вэй Чи повернулся, собираясь в седло.

— Шаоху, — Ху Янлинь внезапно протянул руку и схватил Вэй Чи за рукав. — Зачем ты пошёл в армию Вана? Разве в Академии Ханьлинь было плохо?

— Мм? — Вэй Чи удивленно обернулся.

Заметив, что потерял самообладание, Ху Янлинь поспешно разжал пальцы.

— Академия Ханьлинь место хорошее, но разве оно сравнится с простором поля брани? — Вэй Чи легко взпрыгнул в седло и звонко рассмеялся. — Чего ты сегодня такой ротозей? Запрыгивай в седло, не то советник Ду снова потащит меня пить чай!

Неужели ван Янь? — Ху Янлинь тоже взобрался на коня и украдкой покосился на Вэй Чи. — Неужели ван Янь? Велел оставаться в Академии Ханьлинь — и ты остался, велел отправиться в Монань — и ты приехал... Шаоху, Шаоху, неужели слава и жизнь твоя того стоили?

В тот день у Ду Цихуаня на губе вскочил болезненный волдырь, отчего он только и делал, что охал. Войско маршировало до самого заката; заметив, что Ду Цихуань выбился из сил, Вэй Чи собрался было сменить его, но до сей поры хранивший молчание Нин Юань неожиданно выступил вперёд и заявил, что воинская дисциплина превыше всего, начальство обязано подавать пример, а он сам и надзиратель ни за что не позволят Ду Цихуаню отдыхать раньше времени.

Вэй Чи попытался было возразить, но Ду Цихуань лишь покачал головой:

— Не спорь, командир Нин дело говорит. Ты, Вэй Чи, в армии новенький, этих порядков не знаешь, не стоит ставить людей в неловкое положение.

Солнце окончательно скрылось за горами, и под лучами последних угасающих лучей армия наконец разбила лагерь. Посмотрев на холодную белую лепёшку, поданную Чэнь Ху, Вэй Чи ощутил приступ тошноты:

— Есть совсем не хочется...

— Господин!!!! — Чэнь Ху вытаращил глаза. — Так нельзя!!!! Человек без еды что без железа, если вы сейчас не поужинаете, как завтра утром на ноги подниметесь?!

Делать нечего, Вэй Чи с кислым видом выбрал лепёшку и принялся её грызть.

— Господин... — Чэнь Ху извлек на свет бумажный кулёк. — Я тут украдкой раздобыл... Сахар...

Вэй Чи с улыбкой хлопнул Чэнь Ху по плечу: воистину, с хорошими людьми добреешь, а свяжешься с шаманом — научишься и прыгать...

— Раз уж сегодня господин привлёк к помощи генерала Тана, почему вы всё равно так устали? — расстилая постель, поинтересовался Чэнь Ху.

— То-то и оно... — Вэй Чи призадумался. — Тан Хэ-то явился, да только... тысячник Ху сегодня весь день витал в облаках, видать, сморил его каторжный труд...

Ишь мужики пошли, ни на что не годные, — посетовал про себя Вэй Чи. — Ладно Ду Цихуань, ему уже за сорок, но почему даже Ху Янлинь умудрился вымотаться до остекленевшего взора? С утра же бодрячком держался...

— Это принесла та пленная девица, что вы привели с собой, — Чэнь Ху закончил застилать постель и извлёк наружу небольшой пузырёк с целебной мазью.

— Ого, а что-нибудь передать не велела? — Вэй Чи взял флакон, повертел его в руках.

Чэнь Ху покачал головой.

— Ну ладно, ступай отдыхать, — слегка разочарованный Вэй Чи подбросил пузырёк на ладони, вспомнив тот тошнотворный запах, немного подумал и швырнул его в ящик у изножья кровати.

Едва забрезжил рассвет следующего дня, Вэй Чи подорвался с постели: по словам Ду Цихуаня, сегодня был последний день! При мысли о том, что удастся навсегда покинуть эту долину, навсегда распрощаться с этими узкими оврагами и сваленными в хаотичном порядке «плавающими брёвнами», Вэй Чи пришёл в дикий восторг.

— Чего это малец радуется так, будто перепутал лекарства с отравой? — Ду Цихуань, у которого ныло всё тело, указал на скачущего вокруг Вэй Чи и озадаченно спросил у Нин Юаня.

Нин Юань, не поднимая головы, сверял ведомости с продовольственными пайками и оставил вопрос без ответа.

— Ох-хо-хо... Стоит старому Ду уйти, как со мной и словом никто немолвит, — скорбно вздохнул Ду Цихуань.

— Держи мазь, — Вэй Чи собрал служебные бумаги, проверил печати и перед самым уходом заметил скрючившегося на стуле полумёртвого Ду Цихуаня. Сунув руку за пазуху, он нащупал тот самый пузырёк и, не раздумывая, направился к нему: — Средство неплохое, только вонючее донельзя.

— Откуда добро? — Ду Цихуань повертел в пальцах крошечный стеклянный флакончик в экзотическом стиле.

— Выпросил у той девчонки, Цицигэ.

— Ого! А ты малый не промах! — сально ухмыльнулся Ду Цихуань.

— Ещё бы, мы с господином Сюй спасли ей жизнь! — хмыкнул Вэй Чи и, расплывшись в ещё более ухмыляющейся улыбке, принялся заливать: — Она принесла два пузырька — один мне, другой господину Сюй. А раз господина Сюй здесь нет, тебе старику подфартило.

— Толк от неё есть? — Ду Цихуань откупорил пробку и принялся.

— Та женщина клялась, что их род из поколения в поколение торгует лекарствами, в Монани у них гремит слава. Мазь, конечно, пахнет, но помогает отменно. Я сам испытал, неужто стану совать тебе всякую дрянь? — войдя во вкус, Вэй Чи заодно перекроил на свой лад всю родословную Созра Хахан.

Ду Цихуань мысленно закатил глаза: дурачок ты эдакий, разве простолюдинам по карману сосуды из такого стекла? Да она же принцесса! Великая принцесса! Эх... скажи кому — ни за что не поверят, неужто ты сам не видишь? Третьего дня сказывали, будто принцесса нарочно приходила на тебя посмотреть, а оно вон что — мазь передать... Запала она на тебя, парень! И ты всерьёз думал, что она собиралась презентовать её старику Сюй Юэ? Эй, дружок, нельзя же быть таким недогадливым...

Ван Юньи в своей палатке тоже предавался раздумьям: возвращаться в столицу придётся через эту великую принцессу... Эй, дружок, нельзя же быть таким недогадливым...

А Вэй Чи, с видом невинного младенца глядя на всё более похабную физиономию Ду Цихуаня, злорадно ухмылялся про себя: она девица, и я девица... Насчёт тех утех, что тебе мерещатся, — обломишься...

Ду Цихуань посулил день, и день выдался на славу долгим! С раннего утра и до самого заката они крутились как белки в колесе, и лишь с закатом солнца впереди забрезжил выход из ущелья. К счастью, чем ближе к выходу, тем реже попадались овраги. Вздохнув с облегчением, Вэй Чи подгонял остальных двигаться быстрее. Едва разбили лагерь, как они вместе с Ду Цихуаншем принялись за «плавающие брёвна»: испорченный инвентарь свезли в кучу, Вэй Чи сверял номера, а Ду Цихуань ставил личную печать в ведомости.

Окончили работу уже за полночь.

Ду Цихуань похлопал себя по пояснице:

— Сжечь.

Вытащи «плавающие брёвна» за пределы горной цепи — и зарево превратится в настоящий сигнал бедствия.

Глядя на бушующее пламя, Вэй Чи не удержался от мелочного вздоха:

— Двадцать тысяч серебром... Мое оклад за четыреста лет...

Ду Цихуань вздохнул:

— Возвращаемся, надо умыться да отдохнуть...

Этой ночью Вэй Чи снились двадцать тысяч лян: в сновидении всё кругом сверкало серебром, отчего сердце в груди колотилось гулко и громко. Ду Цихуаню снились сплошные цифры — он люто ненавидел себя за то, что в молодости пренебрегал математикой, из-за чего сегодня этот сопляк забрал всю славу себе. Сюй Юэ уже выбрался из ущелья раньше остальных; за последние дни его старое лицо совсем осунулось от горных ветров, и во сне ему виделся ненаглядный внук, пусть сын его еще даже не обзавелся женой.

Ван Юньи страдал бессонницей. В глухую полночь он одиноко сидел при свете масляной лампы, то и дело начиная непроизвольно дрожать: Цяо Юншэн, жив ли ты ещё?

Созр Хахан тоже не смыкала глаз: тепло войлочной палатки не спасало от внутреннего холода. Неужто Монань стоит на краю гибели? И что она творит? Пусть сейчас ей никак нельзя ссориться с Ван Юньи... но есть ли смысл в таком жалком прозябании?

На дворе стояла середина пятой луны, неумолимо приближаясь к концу... Весна в степях уже вступила в свои права — пусть припозднившись, но пришла.

Солнце взойдет раньше обычного, и время в конце концов сорвет покровы со всех тайн.

До полудня армия наконец достигла горного прохода. Заметив вдали машущего им Сюй Юэ и остальных, Вэй Чи едва не расплакался от радости. Оглянувшись на мрачные тучи, затянувшие ущелье, он мысленно взмолился, чтобы нога его больше никогда не ступала в эти проклятые места — ни в этом воплощении, ни в каком другом. В этот миг наивный и простодушный Вэй Чи пребывал в полной уверенности, что самое худшее позади; он понятия не имел, что судьба — искуснейший шутник, и человеческие кошмары имеют обыкновение разыгрываться в одних и тех же декорациях по несколько раз, с каждым разом набирая всё большую жестокость.

Наивный и милый Вэй Чи расслабился по полной программе. Он с наслаждением поглощал обжигающий мясной бульон, от души налегая на толстые куски жирного мяса, от вида которых еще недавно его мутило.

Ван Юньи всматривался в небо с совершенно иными мыслями. Он знал: настал день суда Божьего. В богов он не верил, но в этот миг, отбросив всякую гордыню, принялся молиться... ради Цяо Юншэна, ради армии Ван, ради Великой Ци.

После краткого привала армия Ван кое-как восстановила силы. Теперь солдаты знали свою задачу — не идти на выручку князю Ци, а штурмовать столицу Монани, Улан-Чабу. От прохода до Улан-Чабы оставалось около двух дней пути, и Ван Юньи отдал приказ о всеобщей мобилизации:

Ворвавшемуся на городские стены — награда пятьсот лян серебра!

Срубившему голову вражескому военачальнику — награда сто лян серебра!

Только теперь Вэй Чи воочию оценил магическую силу звонкой монеты: те самые дохлые пехотинцы разом воспрянули духом, да и артиллеристы с кавалеристами нетерпеливо потирали руки, рвясь в бой.

— Пятьсот лян! Мое жалование за десять лет! — потягивая третью пиалу мясного бульона, вещал Вэй Чи в беседе с Сюй Юэ.

Сюй Юэ усмехнулся:

— Бросьте вы это, господин Вэй, не для вас такие подвиги. При штурме не суетитесь под ногами, а то схлопочете шальную пулю — век себя не простите.

Вэй Чи, пропустив предупреждение мимо ушей, лишь беспечно утёр уголки рта: подумаешь, головы рубил, неужто вид битвы до смерти напугает столичного чиновника?

Видя, что наставления пропали втуне, Сюй Юэ не стал докучать нравоучениями, но про себя решил держать ухо остро и присматривать за ним в оба.

После полудня состоялся общий совет военачальников. Ван Юньи раздал бесчисленные поручения и отдал множество приказаний; от потока информации у Вэй Чи разболелась голова, и он решил, что доля военачальника — точно не работа для живого человека.

Западные ворота Улан-Чабы выходили аккуратно к горному хребту Икэ-Цзод, и армия Ван, выйдя из прохода, разумеется, не стала бы делать крюк ради штурма других ворот. Надо сказать, Улан-Чаба располагалась на редкость удачно: с запада город прикрывал естественный барьер в виде гор Икэ-Цзод, а у южных и восточных ворот располагались стойбища многочисленных мелких племенных вождей. В мирное время эти мелкие аристократы вели с Улан-Чабой торговлю и участвовали в светских раутах, но стоило грянуть войне, как они превращались в грозную полевую силу. Хотите взять город штурмом? Посмейте атаковать, когда конница неприятеля вихрем носится прямо перед вашими артиллерийскими позициями! Посмейте начать штурм, когда тучи вражеских лучников осыпают ваш лагерь смертоносными стрелами со всех сторон! Думаете явиться во всеоружии — с тяжелой и легкой кавалерией, артиллерией и пехотой одновременно? Отличная мысль... Только с чего вы взяли, что пушки на крепостных стенах расставлены лишь для красоты? Не забывайте про золотую армию — одну из лучших степных конниц, что ждет внутри стен, а у вас за спиной — свирепые воины юйцзюлюй, которым от приказа выступить до появления перед вашими очами требуется всего три дня. Да, есть еще северные ворота, но, к несчастью, вдоль северной стены течет широкая река, берущая начало в горах Икэ-Цзод. Помимо того, что она поит весь Улан-Чаба, эта река способна смыть без следа любого смельчака, пожелавшего — вольно или невольно — окунуться в её воды. Располагать лагерь перед лицом такой водной преграды — идея сомнительная.

Четыре направления городских ворот могли в любой момент прийти друг другу на выручку. И даже миновав Ваэ-Эрнэр, «сошедшие с небес воины» по-прежнему сталкивались с чудовищными трудностями.

Ван Юньи с непоколебимой уверенностью обвел взглядом собравшихся:

— Выступаем!

— Есть!

Словно никаких трудностей не существовало вовсе, все до единого лица излучали абсолютную уверенность.

Пятая луна шестого года правления Цзянькан стала для монанцев сущим кошмаром: стражники на западной стене с изумлением обнаружили, что перед ними словно из-под земли выросло исполинское, необозримое войско.

Глядя на полотнища знамён с огромным иероглифом Ван, комендант вороной стражи растерянно моргал.

— Это ещё что такое? — ошеломлённо бросил он подчинённым.

Вместо ответа грянул залп корабельной артиллерии.

Артиллерия армии Ван открыла ураганный огонь. Едва грохот орудий немного стих, передовые части выстроились в боевые порядки, и три авангарда — Сюй Лан, Сунь Дэлун и Ян Няньжу — прикрывая два пехотных полка под командованием Ду Ляна и Ван Сяовэя, устремились к крепостным стенам.

Комендант, с трудом оправившись от шока, принялся судорожно строить людей для контратаки.

Как быть? У противника уйма конницы, стоит выслать отряд за ворота — и они в два счёта сомнут их!

— Огонь! Заряжайте пушки! — оставалось уповать лишь на артиллерию.

Стены Улан-Чабы возвышались почти на двадцать метров — это были лучшие оборонительные укрепления во всем Монане, и высота стен удваивала мощь установленных на них орудий. И верно, под шквальным огнем ряды циской армии начали редеть. Комендант потёр со лба пот: продержаться бы до подхода подкреплений, а там глядишь — отобьются.

Отразив первый раунд артиллерийской дуэли, циские воины в короткий промежуток времени, пока шли перезарядки, вновь сомкнули ряды. Монанские канониры на стене паниковали, но действовали хладнокровно: те, у кого не хватало терпения ждать остывания стволов, тащили ведра с водой и заливали орудийные стволы, ускоряя охлаждение.

— Начальник гарнизона! Еще один залп, и эти гадины добегут до стен! Пушки их уже не достанут, что делать?!

— Тьфу ты пропасть! Прошло уже полчаса! Где подкрепления? Где подкрепления?! Огонь! Огонь не прекращать!! Перебросьте на стены пехоту! Перебросьте лучников! Найдите главного коменданта! Передайте ему, чтобы стянул к нам всех людей с северных ворот!!!

У южных ворот творилось сущие безумие... Словно черти из табакерки, отборные головорезы с диким криком кинулись в атаку, паля из диковинных огнестрельных ружей по каждому

селению и не щадя ни стариков, ни младенцев.

— Монань!!!! Сегодня я сотру тебя с лица земли!!!! — взревел, воздев руки к небу, Цяо Юншэн. — Я уничтожу твое государство!!!!

<http://bllate.org/book/21780/2252233>